

Карантинная зона

Глава 1. Пилигрим

В сентябре две тысячи второго года я впервые оказался в местности, известной в узких кругах как Зона искажения или Край. Наверное, я должен был хорошо запомнить это событие, но тот день выдался крайне суматошным, как и два последующих, а я просто валился с ног, не в силах фиксировать происходящие вокруг вещи. Это сейчас, через много лет (хотя меня все еще берут сомнения, прошло ли в действительности столько времени) я могу по фрагментам восстановить события тех дней, которым я поначалу не придал большого значения и, как оказалось, напрасно.

Мне приходилось заниматься этим и раньше – восстанавливать мозаику из взаимосвязанных событий давно прошедших дней, когда по стечению обстоятельств я был вынужден вести опасное и неприятное расследование о гибели Адама Летова – преподавателя теории искажений в местном институте.

Время научило меня бережно относиться к воспоминаниям и вот сейчас, выводя буквы на кремовой бумаге, я возвращаюсь в тот день, который так отрывочно помню и наполняю каждую его минуту деталями, которые, скорее всего – лишь плод моей фантазии.

Иногда мне кажется, что к тому дню, когда я впервые прикоснулся к Искажению, я готовился всю жизнь. Незаметными легкими мазками, случайными фрагментами, еле ощутимыми касаниями Искажение преследовало меня, но начал понимать я это только сейчас.

В детстве меня очень пугала картинка из старого учебника по географии. На ней, покоясь на трех слонах, стоящих на мокрой спине исполинского кита, летела в бесконечном пространстве маленькая плоская Земля с зелеными пятнами полей, монастырскими куполами, блестящими под лучами солнца, и просторами океанов, низвергающих свои воды с края земного диска. Я не задавался вопросами вроде того, что будет, если оступится один из слонов или им надоест стоять на месте, меня пугала перспектива остаться на ссохшейся земле без капли воды – ведь я точно видел, что океаны безвозвратно стекают с края диска.

Мои страхи не иссякли даже тогда, когда отец застал меня за бесцельным наполнением всех найденных мною ведер из садового шланга. Я видел в этом занятии особый смысл с перспективой на благодарность тех, кого я спасу потом от мучительной жажды. В такой ситуации меньше всего ждешь, что над тобой посмеются, что, собственно, и сделал отец. Ведра отправились в сарай, а я в песочницу – олицетворение скорого и неизбежного будущего. Я сидел на

краю с глазами полными слез и смотрел на солнце, такое маленькое, оборот за оборотом облетающее нашу плоскую землю, едва не задевая хвост невообразимо большого кита. А потом я отыскал грязную бутылку от какой-то минералки и, как мог, отмыл ее под краном и наполнил водой. Еще некоторое время я плотно вбивал в ее горлышко самодельную пробку, а потом закопал в самой глубине песка, там, где песок уже влажный и полный камней. Однажды я откопаю ее, и поделюсь с вами водой, и тогда вы больше не будете смеяться. Никогда. Так закончился обычный июльский день тысяча девятьсот восемьдесят третьего года.

Когда я возвращаюсь воспоминаниями в прошлое, я всегда слышу голос Марины, наш последний разговор перед тем, как я покинул столицу. Её голос звучал где-то в глубине мозга, пробиваясь сквозь клубок мыслей, запутывая его еще больше. Но с каждым километром, с каждой выкуренной сигаретой он становился всё тише. Последние дни я много читал и много курил, а поезд все дальше увозил меня в безлюдный край, наполненный туманом ранней осени и низкими домиками безликих станций, а деревья становились все выше за грязным окошком тамбура.

Вагоны почти опустели. Хмурые пассажиры все так же выбирались на перроны, почти не общались, смотрели на кирпичные здания и, пожившись, заползали обратно пить горячий чай и читать журналы недельной давности.

В один из дней сентября 2002 года я вышел на неизвестной станции и, поставив дорожную сумку на сухую траву, осмотрелся. Поезд спешно удалялся, помахав мне сизым хвостом. Впереди текла река, по цвету воды сильно смахивающая на местные болота. Это последнее, что я видел на Большой земле, а спустя пятнадцать минут мне предстояло совершить короткое путешествие по реке, переплыв ее в западном направлении на одной из припрятанных под обрывом алюминиевых лодок. Это было мое последнее путешествие по Земле, которую почти за четверть века я так и не успел более или менее прилично объехать.

Странная работа, перепавшая мне по стечению обстоятельств, не была такой уж неожиданностью. Я сам просил неоднократно о переводе в тот отдел, работа которого была, или, по меньшей мере, выглядела, необычной. И стоило ли удивляться тому, что первая же командировка закинула меня в это странное место на краю Земли и в прямом и в переносном смысле. В кармане лежало потрепанное командировочное удостоверение, в котором, вопреки обычным требованиям, было лишь две графы – «отбыл» и «прибыл».

Я подтащил лодку к берегу. Медлить не следовало, особенно в этом месте. Я был уверен, что немало таких же авантюристов как я вдруг резко передумывали и, бросая лодку на берегу, торопливо шли к безымянной железнодорожной платформе. В любом случае, посетителей у этого места было достаточно – об этом свидетельствовала целая горка как размякших, так и совсем свежих окурков, пустая бутылка из-под какого-то местного лимонада и почти расплзшийся плащ дождевик. Я присел на край лодки и

постарался выдумать сентиментальный жест, наиболее подходящий к данному случаю – окинуть печальным взором поросшие лесом берега и горько вздохнуть, закурить глубокими и продолжительными затяжками, разложить на песке орнамент из нарезанного лука, сала и стакана. Но ничего подобного в голову не приходило, а сигареты закончились еще утром.

Начинающийся зной позднего утра вытащил из потаенных нор оводов и наполнил ими воздух, вместе с ароматами недалеких болот, чем начисто лишил этот момент романтики. Я закатал штанины и потащил лодку в воду, то и дело, наступая в воде на следы пребывания «паломников». На мгновение показалось, что кто-то спускается вслед за мной к воде, но это был всего лишь ветер, внезапно поднявшийся и замесивший с летней духотой остатки прохлады. На противоположном пологом берегу лес оставался неподвижным, словно ветер проигнорировал его и вероломно напал лишь на один берег реки, впрочем, отчасти, так и было. Лес на левом берегу напоминал качественно выполненную, но неуместную декорацию, подобную нарисованным стенам и окнам на лесах реставрируемых зданий, фальшь которых почти не была заметна с больших расстояний. Я оттолкнулся веслом от берега и поплыл.

В свое время я читал инструкцию по пересечению условной границы аномальной зоны «К», более известной как Край. И даже перечитывал ее урезанный вариант накануне, но из полезной информации запомнил лишь настоятельную рекомендацию не смотреть на удаляющийся берег по мере приближения к противоположному. Инструкцию писали неглупые люди, и любопытство, возможно, повлекло бы неприятные последствия, но река была не очень широкой, а суеверное табу запрещало оглядываться и, тем более, поворачивать назад. Но повернуть назад я не смог бы, даже если бы вдруг этого захотел.

Ветер догнал меня на середине реки и швырнул в затылок горсть соленых брызг, и стих, так же внезапно как появился. Воздух наполнился незнакомым запахом и прохладой, хотя мою спину еще пригревало полуденное солнце. Берег уже выглядел неестественно, небо над лесом стало серым, а между деревьями появились прорехи, за которыми проглядывала все та же серость. Я был заранее готов к неприятным ощущениям, гнетущей пустоте и прочим прелестям перехода через невидимую границу, отделяющую Край от Большой земли, но ничего подобного не было, только стихающий ветер и прохлада, наполняющая все еще летний воздух. И тишина. Это, пожалуй, было самым странным. Тишина повисла вокруг стеклянным колпаком, исчез надоедливый стрекот неведомых насекомых и шум деревьев. Берег впереди был все ближе, но это был уже совсем не тот берег. Точнее общие черты остались – та же полоска деревьев вдоль песчаного пляжа, обрывающаяся в нескольких сотнях метров и пустой пляж, совсем не похожий на речной берег. Редкие деревья длинной полукилометровой полосой неуместно выстроились прямо на холодном песке, а дальше за низкими скалами застыло серое небо. Я втащил лодку на песок и обернулся.

Передо мной было море. Точнее даже океан, пустой под таким же пустым небом. Там, где он должен был врезаться в горизонт, я не заметил ничего, даже узкой контрастной полоски. Не говоря уже о противоположном берегу, на котором я совсем недавно придумывал лирическое прощание с Большой землей. Океан слабо плескался под ногами, то отбегая на пару метров, то окуная мои ступни в ледяную воду.

Я пошел по протоптанной сотнями ног тропинке, мимо крепких деревьев, корнями вгрызшихся в мокрый песок. Удивительно, но такая перемена климата, казалось, нисколько не отразилась на карельских соснах. В любом случае, ни одного погибшего дерева я не заметил.

У невысоких скал дорога была уже благоустроена и даже асфальтирована местами. У обочины стоял мусорный бак почти пустой, но обложенный вокруг разного рода хламом. Кучка пластиковых бутылок собралась и на другой обочине возле дырявой деревянной лодки. Рядом, вжав шею в широкие плечи и кутаясь, без особого результата, в белый лабораторный халат, стоял человек, которого я знал только по электронной переписке и двум-трем отчетам, завалившимся в нашем отделе.

Бывают люди, сразу располагающие к себе, с первой минуты общения, и человек в белом лабораторном халате относился именно к таким. Он был полный как старый кот и усатый как морж из столичного зоопарка. Лабораторный халат только подчеркивал его академическую беспечность и простоту, характерную для среднего звена научных работников. Над его головой клубилось странное закатное небо, хотя я был готов поклясться, что часы показывали четверть одиннадцатого дня.

- А мы вас заждались, Богдан Алексеевич, - объявил сквозь усы полужнакомый ученый. - Слава Богу, вы прибыли, а то я уже стал сомневаться, что правильно понял ваше письмо. Жду-жду, а вас все нет.

- Поезда имеют привычку приходить не по расписанию, - сказал я

- Я так и подумал. Поезд. Я уже забыл, что это такое, - полноватый человек в халате, улыбаясь, пожал мою руку и на всякий случай представился, хотя и не требовалось. - Олег Олегович. Платонов. Ну, впрочем, вы знаете. Идемте за мной.

Олег Олегович возглавлял целый отдел, смысл работы которого я понимал с большим трудом. Тем не менее, возглавляемая им кафедра считалась одной из самых престижных, но от этого она не становилась менее странной.

- Мы хотели встретить вас на берегу, но не успели. Это все я виноват, простите, задержался уточнить расписание поездов и совершенно забыл про разницу во времени.

- Мы?

- Да, виноват, я же вас не представил. Это моя новая ассистентка, Виктория. А где же она? Вика! Вика!

Олег Олегович, все еще размахивая руками и озираясь, засеменял по дороге на невысокий подъем, а я, подобрав с земли сумку, улыбаясь, пошел за ним.

В тот день передо мной впервые раскинулся этот чудесный и величественный вид и, как оказалось, в последний. Признаться, больше ни разу я не поднимался на вершину того холма, хотя много раз оказывался поблизости. Внизу лежала долина, рассеченная неширокой рекой с пологими зелеными берегами на две неравные части. За оградой из изящных резных башенок (много позже я узнал, что каждая из них символизирует отдельную область науки) тянулась аллея из пепельных кипарисов, тянулась к самым ступеням, разветвляющимся на две мраморных эскалады, огибающих статую слепого ученого (это я тоже узнал позже). Лестница была частью здания, увенчанного двумя неравными по высоте башнями – словно конструктивистская копия Нотр Дама, но от того не менее величественная. Северное крыло упиралось в холмы, а южное спускалось каскадом построек к самому пруду, питающемуся от близкой серебряной речки. В ее спокойной воде отражалось дождливое небо, и она и впрямь казалась серебристой.

И каскады лестниц, и парк были пусты, как и луговые берега реки, малахитово-зеленые даже в дождливом сумраке.

Упираясь в перила, венчавшие вершину холма с крутым восточным склоном, безучастно вглядывалась в пустоту парка невысокая девушка в коротком синем пальто. Ее волосы были собраны назад в хвост, а голова вжималась от холода в воротник так, что шеи почти не было видно.

- Здравствуйте, Богдан Алексеевич, - сказала она хриплым голосом, почти не поворачивая головы, - красивый вид, правда?

- Красивый, но мрачный, - согласился я.

- Тут почти всегда так. Особенно вечером.

- А ночью?

Она пожала плечами.

- А ночи здесь не бывает. Виктория, - она протянула руку. Ее пальцы были тонкие и холодные.

Я поискал на себе теплые одежды, чтобы по-джентльменски предложить, но Вика была одета куда теплее меня.

- А, вы уже познакомились, - пропыхтел Олег Олегович. - Ну, тогда пойдемте вниз. Не стоит гулять тут на закате.

Закат. Мои часы показывали позднее утро, впрочем, и тело еще хранило остатки зноя над той рекой, которая непостижимым образом превратилась в холодное соленое море.

Виктория спускалась вниз по широкой лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек, а мы, не спеша, следовали за ней.

- Вика – хорошая девочка. Просто находка. Ума не приложу, что бы я делал без нее со всей работой, что в последнее время свалилась. Да, Богдан Алексеевич, много работы, очень много.

- Просто Богдан, - попросил я.

- Ах, да, конечно. Простите меня, Богдан. Так вот, я о работе. Замечательная девочка Вика. Сейчас без ассистента никак. Вам бы тоже не мешало завести ассистента в ближайшее время.

Я засмеялся, а Олег Олегович непонимающе повернул ко мне пухлое лицо.

- Боюсь, я сам стану ассистентом в скором времени, - пояснил я.

- Ну да, конечно, - рассеяно согласился Платонов, - не подумал. Простите.

Дальше мы шли в относительной тишине, только Виктория напевала что-то вдалеке, видимо под неслышимый плеер, да сопел и отрывисто вздыхал Платонов.

Сверху казалось, что весь комплекс зданий и огромный парк расположились в зеленой чаше среди высоких холмов, но отсюда с аллея кипарисового парка холмы почти не были видны, а башни центрального корпуса сами казались горой с двумя неровными вершинами, вырастающей прямо из поднимающихся каскадами лестниц.

Перед высокой дверью из резного дуба с благородно-медными и отполированными сотней ладоней ручками, Олег Олегович распрощался со мной, а Вика, утопив улыбку в воротнике, пожелала мне удачи.

- Вам нужно зарегистрироваться, а потом отдохнуть. Ждем завтра в нашей лаборатории, и Вика покажет вам тут все.

- Даже не сомневайтесь, - прищурилась Вика. - И удачной регистрации.

Они неспешно потопали вниз по боковой эстакаде, туда, где, как я узнал позже, был служебный вход для персонала. А я, обернувшись еще раз на кипарисовый парк и смахнув с лица капли начинающегося дождя, вошел в высокие двери.

* * *

Внутри было все так же прохладно. Огромное фойе, из всей роскоши и функциональности которого меня интересовала и касалась пока только регистрационная часть под мраморной лестницей. Четыре стола стояли у дальней стены и еще две застекленных кабинки светились у окна, впрочем, закрытых белыми жалюзи. Человек за столом посмотрел на мой паспорт, затем на меня и сунул в руку пачку бланков.

- Господин Авдеев, с прибытием в карантинную зону! Позвольте ваше направление...

Я выложил на стол сложенный пополам листок. В фойе вошли несколько молодых людей, вероятно студенты. Один расположился в кресле и извлек из сумки толстый блокнот, двое других отправились стучать в закрытую кабинку.

- Все в порядке? – спросил я, поворачиваясь к дежурному. Тот пожал плечами и отложил мое направление в сторону, в кучу таких же листов.

- Господин Авдеев, я должен задать вам несколько вопросов и рассказать о правилах поведения в карантинной зоне. Это формальность, но, тем не менее, необходимо. Бланки анкеты вы можете заполнить позже и сдать мне, либо коменданту общежития, но желательно завтра до полудня.

Я послушно кивнул.

- Откуда вы направлены к нам?

- Пресс-центр академии наук. Собираю материал для большого отчета об исследованиях феномена «искажения» к сороковой годовщине открытия Края.

- Неужели нашем НИИ наконец заинтересовались?

- В роде того.

- Хорошо, - дежурный писал размашистым почерком поперек строчек бланка. Рядом, не прекращая, беззвучно мигал монохромный телефон. - Вам будет выдана одноместная комната во втором корпусе, ключи возьмете у коменданта. Вам необходимо будет пройти первичное обучение на карантинных курсах, после чего вы получите право перемещения по всей территории университета, за исключением лабораторных корпусов. При желании можете пройти платные ускоренные курсы каждый вечер с восемнадцать ноль-ноль, в течение недели, за исключением субботы и воскресенья. Так же вы можете подать документы на заочное отделение с прохождением обучения три с половиной года, при условии конечно...

- Спасибо, я воздержусь. Что мне нужно знать еще?

- Комендантский час в карантинной зоне отсутствует, бесплатное питание один раз в день с четырнадцати ноль-ноль, кстати, - он взглянул на часы и зашуршал бумагой. - Вы страдаете какими-нибудь фобиями, проходили ли лечение в психиатрическом стационаре или стояли на учете?

- Бог миловал! – я улыбнулся, дежурный, что-то пометил в журнале. Студенты громко засмеялись, возможно, над чем-то своим.

- Завтра в девять у вас консультация у психолога. Кабинет четырнадцать. Что ни будь еще?

- Да, - я поднялся, - куда мне идти сейчас?

Дежурный пожал плечами и махнул рукой в неопределенном направлении и я, подняв с пола дорожную сумку, неторопливо побрел к выходу.

Над самой дверью во всю стену растянулась репродукция гравюры Фламариона, раскрашенная с почти подлинной достоверностью. Все тот же пилигрим стоял на коленях у края мира и смотрел сквозь купол неба на хаос вселенной. Картина знакомая из школьных учебников и явно показывающая дремучесть христианского средневековья, являющаяся насмешкой на самой собой и толкователями смысла, воспринимающими ее всерьез. Для миллионов созерцателей гравюры все еще оставалась секретом ее поддельная сущность.

Написанная в конце XIX века, она никак не могла символизировать Средневековье, и была, по сути, карикатурой на тех же прагматиков.

Здесь на Краю все это тем более не имело смысла.

По впечатляющему полотну поползли тени, гораздо быстрее, чем положено. Я обернулся. Зал опустел, исчезли даже студенты, а дежурного заменила табличка «обед» из оранжевой бумаги. В широких окнах пронеслись все те же тени от деревьев, и стало темнеть. Не как во время затмения, на которое я сперва несправедливо грешил – окна наполнились ярким закатом, а затем сумраком дождливого вечера. Часы показывали без четверти полдень.

- Недавно у нас?

- Простите? - я обернулся. Парень с такой же дорожной сумкой, как и у меня, стоял в полушаге за моей спиной и показывал на гравюру.

- Обычно никто не обращает внимания, только приезжие. А жаль, красиво. Каждый раз останавливаюсь, - он шагнул ко мне и протянул руку. - Мартин.

- Богдан.

Мартин излучал уверенность и непомерное счастье. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы решить, будто Край – лучшее место во всей Вселенной. Он лучился энергией, и даже хилый свет из дождливого окна ухитрился искриться в его коротких светлых волосах. Глаза он шурил, но не близоруко, а как от слепящего солнца. Его лицо шелушилось, словно обгорело на пляже, вот только судя по погоде, пляжи в это время тут неважные.

Обменялись рукопожатиями. Мартин снова указал на картину.

- Посмотри на него. Удивительные люди эти искатели. Уставился на механизмы вселенной за краем мира, словно ожидал увидеть там что-то более прозаическое. При этом его абсолютно не смущает, что у солнца есть глаза и рот, - он засмеялся. - Я б с ума сошел от такого факта.

- Гораздо любопытнее узнать, чем он проковырял небесную твердь?

- Хм, - Мартин потер подбородок, - никогда не задумывался об этом. Видимо, мы не все знаем о его посохе. Но вы, Богдан, определенно несете нам свежие идеи. Только не надо говорить о гравюре перед ученым советом, они люди без юмора – не поймут.

Я указал на дорожную сумку-близнеца.

- Тоже с большой земли?

- Нет. Просто небольшая командировка. Я тут уже очень давно. Ну, еще увидимся, - он махнул мне рукой, подмигнул пилигриму и исчез в проходе к лестницам.

Мартин. Польское имя. Если по научному обмену, то не повезло парню – отсюда нет обратного пути, ни на Землю, ни в известную нам вселенную, ни даже в Польшу. Осознание этого придет и ко мне немного позже, но не сейчас. Пока я не мог, да и не был готов осознать, что это здание и уже моя, но пока еще неведомая комната в общежитии – мой дом на остаток моей чудесной жизни.

Глава 2. Древесная форель

Моя комната располагалась на третьем этаже жилого корпуса. Комендант – хмурая женщина с орлиным носом – выдала мне ключ и подсунула для росписи картонную карточку.

- Тихий час с одиннадцати тридцати. Обед в общей столовой в два. Мусор из окон не выбрасывать.

Я поблагодарил за ценный совет и поднялся к себе.

Комната «впечатлила» ремонтом. Новые обои с белыми кленовыми листьями были аккуратно прижаты плинтусом в не подклеенных местах, а на деревянном подоконнике стоял горшок с засохшим неизвестным растением. Кроме него из мебели была кровать с полосатым пледом, тумбочка и стол с аккуратно задвинутым стулом. Шкаф для одежды заменяла прикрученная к стене вешалка с оторванным крючком. Из окна доносился шум деревьев и шелест начинающегося дождя. В общем, не так уж плохо, за исключением неуместного дождя. Я раскрыл окно, чтобы выветрить затхлый запах пустовавшего помещения и начал раскладывать немногочисленные вещи: куртка (на крючок), пара книг, толстый блокнот, два яблока и оставшийся бутерброд вместо пропущенного обеда, лэптоп с зарядкой и бесполезный здесь телефон. Остальная мелочь вроде зубной щетки была раскидана по ящикам стола. В одном из ящиков мной был обнаружен карандаш и несколько канцелярских скрепок, которые я тут же внес в коллекцию личных вещей.

Я прошелся по комнате, измерив ее шагами. Примерно пять на восемь шагов. Не знаю, сколько это в метрах, надо будет перемерить на досуге, но подозреваю, что гораздо меньше – шаг у меня не очень широкий из-за натертой новыми туфлями мозоли.

Я съел яблоко и бутерброд, а затем завалился на кровать, обдумать свои дальнейшие шаги.

Еще две недели назад я незаметно покачивался в кресле перед столом директора, а тот, не обращая на меня никакого внимания, внимательно изучал заявление.

«Доброволец, я так понимаю?», - заключил он, отложив документ. - «Это похвально, но непонятно. Вы работаете у нас без малого два года и работаете хорошо. Между нами, но могли бы сделать карьеру здесь, в Москве. Зачем вам это?».

«Романтика странствий», - пояснил я.

Шеф криво усмехнулся. О расторгнутой помолвке и о неудаче на экзаменах в аспирантуру он знал, но умело делал вид, что не знает.

«Да, я искал такого как ты, Богдан, для этого задания. А задание нелегкое, но очень важное, тут нужен человек ответственный и творческий, к тому же, эм... не привязанный к месту ни семьей, ни другими обстоятельствами...».

«В общем, я идеально подхожу?»